

ДВА МОРЯКА

Рассказ

Посвящается А. Н. Альмедингену

Иллюстрации художника П. Пинкисевича

ОГЛАВЛЕНИЕ:

I II III IV

I

Отставной вице-адмирал Максим Иванович Волынцев только что поднялся с жестковатого дивана, проспавши свой положенный час после обеда.

Откашлявшись, Максим Иванович снял халат, бережно повесил его в шкаф и облекся в старенький, но опрятный сюртук с адмиральскими поперечными, как у отставных, погонами, прошелся щеткой по седой, коротко остриженной голове, расчесал белую пушистую бороду и усы, закурил толстую папиросу и присел в плетеное кресло у письменного небольшого стола.

Не спеша вынул он из футляра очки и взял со стола аккуратно сложенную газету.

Несмотря на потертую обивку старомодной мебели и старенькие вещи, бывшие в кабинете, все в этой небольшой комнате имело необыкновенно опрятный и даже приветливый вид, сияя тою умопомрачающею чистотой, какая только бывает на военных кораблях.

Пол сверкал, точно зеркало. Дверные ручки, оконные задвижки и медные кнопки гвоздиков, на которых висели, занимая сплошь всю стену, фотографии в черных простых рамках, – блестели под лучами редкого петербургского солнца, светившего в течение целого августовского дня. Занавески на окнах были ослепительной белизны: фикусы, аралии и пальмочки вымыты и выхолены – одним словом, решительно все в комнате свидетельствовало о привычке хозяина к порядку и щепетильной чистоте, и все, казалось, дышало приветливостью.

Даже хорошенькая "Верушка", как звал Максим Иванович маленькую канарейку, и та, заливавшаяся во все горло, казалась необыкновенно чистенькой и веселой, а клетка, которую адмирал собственноручно чистил два раза в день, просторная, белая клетка, усыпанная песком, содержалась в безукоризненном порядке.

Кабинет напоминал каюту, и в нем даже пахло немного кораблем от острого смолистого запаха мата, лежавшего вместо коврика под ногами адмирала.

И сам он своим внешним видом производил впечатление той же опрятности и приветливости, которыми отличались кабинет и вся скромная его обстановка.

Это был небольшого роста, сутуловатый и сухощавый старик лет шестидесяти, крепкий и бодрый на вид. Вся его небольшая фигура с первого же раза внушала к себе невольную симпатию. И в выражении его старого, морщинистого лица, отливавшего здоровым румянцем, и особенно в выражении небольших, еще живых и острых темных глаз было что-то необыкновенно хорошее: доброе и ласковое и в то же время застенчивое, говорящее о душевной чистоте и о честно прожитой жизни.

И действительно, вся его жизнь была лямкой добросовестного морского служаки, который даже и в прежние суровые времена отличался добротой и был любим матросами за то, что обращался с ними по-человечески. Честный до щепетильности, он никогда не пользовался казенной копеечкой, никогда не подлаживался к начальству, не знал протекции и, считаясь одним из лучших моряков, много плавал, но особенной карьеры не сделал. Напротив, испортил ее своею независимостью, принужденный выйти в отставку уже контр-адмиралом вследствие того, что не поладил с высшим морским начальством. Он, конечно,